

судьбы людские

Неделя, 1986. окт.
№ 43.

Многие в Сочи знают Екатерину Даниловну Кириченко (Зайцеву); ей за семьдесят. Она в свое время жила в семье писателя Николая Островского, автора всеми любимых книг «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей».

Катина страсть к винтикам и гаечкам еще в детстве была всем очевидна. Домочадцы ожидали, что в семье будет свой часовых дел мастер. Любила девочка в часах покопаться. Как ни странно, ходики после систематических Катиных вмешательств показывали точное время. Учителя прочили ей техническую судьбу. Школа в городе Шахты, в которой училась Катюша Зайцева, была с железнодорожным уклоном. А старший брат, Николай, грешил автомобилями. «Вот стану шофером

Подъезд к дому был, мягко говоря, не подарок для шоферов. Узкий переулочек с крутым подъемом. «Тормози!» — рявкнули в один голос грузчики, когда машина въехала в переулочек. — На руках перенесем доски к дому. Ты с прицепом не въедешь на такую верхотуру». «Въеду!» — сказала Катя.

Заспорили. Ударили по рукам. Условились: если взберется Катин ГАЗ к самой калитке и благополучно потом спустится с горы, покупают ей килограмм «Мишек». А если нет — «с нее причитается».

— Ой, дивчина! — всплеснула руками Ольга Осиповна. — Как ты сюда заехала? «Мишек» она выиграла. Через несколько дней вызвал Катю начальник стройки: приходила к нему Ольга Осиповна и просила отпустить шофера Зайцеву работать к ним на легковой машине.

...Робея, вошла она в комнату, занавешенную шторами. Рядом с кроватью, на

колай Алексеевич позвал Автокату и стал, как обычно, расспрашивать, как прошел ее день. Она призналась, что смущается всеобщего внимания.

— Смотрят, — вздохнул Островский, — потому что глаза есть. — Он с такой грустью, неведомой Кате, произнес эти слова, что у нее кровь прилила к щекам. «Вот глупая!» — корила она себя.

— Что ты приуныла? — весело окликнул Катю Островский. — Выше нос, товарищ водитель!

По тону она поняла, что он винит не ее, а себя за то, что не совладал с чувствами и напомнил о своей болезни. Пожалуй, больше всего он страдал бы от того, если бы родные, друзья, гости видели в нем только больного человека. Он никогда не впадал в уныние. Несвойственно оно было и его домашним. Из дома Островских доносились музыка, песни, веселые голоса, смех. Черный рояль обычно «путешествовал» по дому, его то

«АВТОКАТЯ»

ТАК В ШУТКУ НАЗЫВАЛ НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ СВОЕГО ШОФЕРА ЕКАТЕРИНУ ЗАЙЦЕВУ

и тебя научу водить машину», — обещал он сестренке. Но освоила Катя шоферское дело без брата, он погиб от бандитского ножа в семнадцать лет...

На курсы шоферов в 30-х годах даже не всех мужчин принимали, а тут — пичуга голубоглазая: какой из нее шофер? Шофер из нее получился классный!

— Я была без памяти от счастья, — рассказывает Екатерина Даниловна, вспоминая свой первый рабочий рейс. — Еду, а самой не верится. Неужели это я, Катя Зайцева, единственная девчонка-шофер в Шахтах, автомобилем управляю? То был ГАЗ-АА, знаменитая наша полторка. Сейчас ее днем с огнем не сыщешь на улицах, а в то время новейшая из машин. Удобств в кабине не было, как нынче. Ездили в прямом смысле с ветерком, с дождем, со снегом и в пыли с головы до ног. О боковых стеклах и понятия не имели. И силой, и терпением приходилось запасасться. Но я никогда не жалела, что стала водителем.

На строительство Сочинского мясокомбината Катю вызвала из Шахт сестра Антонина в начале 1936 года. Строительству очень требовались шоферы. Начальник стройки, узнав, что у штукатура Зайцевой есть в Шахтах сестра-водитель, велел телеграфировать ей вызов. «Слушай, Зайцева, ты кого привела? — удивился начальник, когда ему представили прибывшую по вызову Катю. — Девчонку зеленую привела! Как ей доверить дефицитный автомобиль?» И Катю оформили шофером, но... без машины. Она должна была «проявлять себя» в слесарном деле, в гараже и ожидать часа, когда доверят ей такую же полторку, на которой она наездила тысячи километров по Ростовской области. Но однажды...

Горе пришло в дом Островских — умер отец Николая Алексеевича. Шофера Зайцеву направили в ее первый — траурный — рейс. После похорон Ольга Осиповна, мать писателя, разыскала Катю и подарила ей книгу сына с его дарственной надписью: «Екатерине Зайцевой — отзывчивой комсомолке, передовой девушке нашего времени...»

Спустя несколько недель ее вновь послали на подмогу к Островским: поручили отвезти доски. Строилась дача писателя.

которой неподвижно лежал Островский, стоял черный рояль, на крышке инструмента — телефон.

— Здравствуй, новый водитель! — приветствовал ее Николай Алексеевич. — Садись, Катюша. Дай твою руку. (У него двигались только кисти). А какая же ты из себя? — спросил он после рукопожатия и попросил Катю наклониться; провел ладонью по ее лицу, улыбнулся: — Курносенькая! Глаза у тебя, мама говорит, голубые. Вот такая нам и нужна!

С приходом ее в дом Островских под одной крышей оказались три тезки: Екатерина Алексеевна — сестра писателя, маленькая Катюша — ее дочь и Катя Зайцева — шофер. Случалось, Островский зовет: «Катя!» И все три спешили к нему или, бывало, ни одна: каждая думала, что, наверное, не ее просит. И вот, когда они втроем пришли на его зов и тем самым в очередной раз насмешили Николая Алексеевича, он предложил: «Давайте договоримся. Старшую я буду звать Катей, младшую Катюшей, а среднюю — Автокатей. Согласны?»

Несмотря на разницу лет, Автокаты и Катюша быстро подружились и затеяли совместные чтения. Выбрали «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова. Смеялись над книгой до слез. Услышала как-то Ольга Осиповна смех из-за двери секретарской комнаты, в которой поселили Катю Зайцеву. «Что вы так хохочете, козы?» — «Мы книжку смешную читаем». — «Как же вы можете читать без меня!» — И Ольга Осиповна попросила их пожаловать с книгой в ее комнату. Вскоре и Николай Алексеевич поинтересовался:

— Что у вас происходит?

Узнав, что домочадцы веселятся над похождениями Бендера, пожурил их:

— Как вам не стыдно читать без меня? Переходите ко мне, сейчас же!

С тех пор стали собираться в его комнате. И звонче всех смеялись Ольга Осиповна и Николай Алексеевич.

«Эмка» Островского была первой из машин этой марки в городе. Стоило автомобиль остановиться, тотчас вокруг него собирались прохожие. Гладили черную эмаль, через стекла кабины заглядывали внутрь и еще больше удивлялись, видя за рулем девушку. Однажды Ни-

перемещали на веранду, то в столовую или гостиную, то вновь возвращали на место у постели Николая Алексеевича.

...«Орленок, орленок, блесни опереньем, собою затми белый свет. Не хочется думать о смерти, поверь мне...» Вся семья собралась в комнате Николая Алексеевича. Вера Духовская приехала на гастроли в Сочи и пришла навесить Островского. Она подарила ему эту песню, еще никогда не звучавшую. Николай Алексеевич лежал отрешенный. Такой вид у него всегда был, если то, что он слушал, очень нравилось.

Работа на «эмке» Катю не утомляла. Ездил на вокзал к поезду встретить или проводить гостей, на почту. Кто навещался к Островскому впервые, удивлялся, что у него шофер — девушка. Гости с уважением отзывались об Автокате, и после их отъезда Николай Алексеевич звал ее к себе и говорил: «Катя, тебя похвалили. Спасибо тебе».

— В нем уживались чуткость, доброта с суровостью и мужеством, — вспоминает Екатерина Даниловна. — И он остро реагировал на несправедливость. Страшно переживал, если сам сталкивался с нею или кто-то из близких и даже незнакомых ему людей... Шла война в Испании, и он всей душой был там. Ему принесли карту боевых действий, и писатель просил нас перекалывать флажки по линии фронтов...

Он часто повторял, что если бы сейчас мог, обязательно бы учился. Екатерина Алексеевна, сестре своей, советовала: «Учись. Выбирай для этого время». Автокаты слушала, но не предполагала, что эти слова предназначаются и ей.

— Катя, — спросил однажды Островский, — ты хотела бы переучиться на шофера первого класса? (У нее был второй).

— Хорошо бы, — уклончиво ответила она, — но...

«Но» означало — нет лишних денег, чтобы оплатить учебу на курсах.

— Согласна? — улыбнулся Островский. — Найдем выход! А когда станешь заниматься, как-нибудь обойдемся без машины. Главное, ты должна учиться!

Вскоре после того, как у Кати начались занятия на курсах, Николай Алексеевич уехал в Москву, чтобы быть поближе к архивным материалам; он работал в то время над «Рожденными бурей». Из столицы присылал заботливые письма, в них расспрашивал обо всех и обо всем, и об Автокате: как она учится?

— Экзамены сдала отлично, получила права шофера первого класса, — рассказывает Екатерина Даниловна. — Теперь храню их как память о Николае Алексеевиче. Больше у меня ничего не осталось. Горько вспоминать... Во время войны я перевозила раненых из Сочи в Сухуми, дома не жила. Через месяц вернулась в квартиру, а меня, — оказалось, обворовали самым варварским образом. Самое страшное — книгу с дарственной надписью Николая Алексеевича унесли. Фотографии, где я снята вместе с Островскими и их гостями, пропали.

Сочи называют городом Островского. Здесь Николай Алексеевич родился как писатель. Он стоит теперь над городом во весь рост, отлитый в бронзе, в распахнутой шинели, с шашкой в одной руке и с книгой в другой.

Для Екатерины Даниловны Сочи тоже стал второй родиной. Здесь она избиралась депутатом районного и городского Советов. Награждена орденом Трудового Красного Знамени и почетным знаком водителя «За работу без аварий».

— Если бы можно было начать жизнь сначала, — говорит Екатерина Даниловна, — то я просила бы об этом только ради того, чтобы еще хоть однажды встретиться с Николаем Алексеевичем.

Людмила МАЛЬШАКОВА.

СОЧИ.